УДК 903.02
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-86-96

Керамическое производство кулайской культуры в Новосибирском Приобье: по материалам могильника Каменный Мыс

Д. В. Селин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

Аннотация

Проведен технико-технологический анализ кулайской керамики (новосибирский вариант) могильника Каменный Мыс. Определено, что как исходное пластичное сырье использовались ожелезненные природные глины средней пластичности, возможно, предварительно обработанные. Доминирующим рецептом формовочной массы является глина + дресва (68 %). Конструирование начина проводилось по ёмкостно-донной программе при помощи лоскутов. Полое тело выполнено при помощи лоскутного налепа. Поверхности изделий обрабатывались преимущественно при помощи механического заглаживания различными инструментами. Обжиг посуды мог проводиться в кострищах или очагах. Керамическая технология отражает начальный этап смешения разных гончарных навыков. Устойчивость сохраняют субстратные навыки отбора исходного пластичного сырья, конструирования начина и полого тела. Смешение проявляется на уровне приспособительных навыков – способах составления формовочных масс и механической обработки поверхностей. Подобная ситуация может являться следствием взаимодействия групп кулайского населения с носителями большереченской культуры и началом их смешения, что приводило к слиянию разных технологических гончарных навыков.

Ключевые слова

археология, Новосибирское Приобье, ранний железный век, кулайская культура, керамика, технико-технологический анализ

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-49-543001)

Для цитирования

Селин Д. В. Керамическое производство кулайской культуры в Новосибирском Приобье: по материалам могильника Каменный Мыс // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 7: Археология и этнография. С. 86–96. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-86-96

Ceramic Production of the Kulai Culture in the Novosibirsk Ob Region: Based on Materials from the Kamenny Mys Burial Ground

D. V. Selin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Purpose. The Kulay Cultural-Historical Community was one of the largest formations in Western Siberia in the early Iron Age. The Kamenny Mys burial ground is located in the Kolyvan district of the Novosibirsk region. The study is

© Д. В. Селин, 2021

devoted to the technical and technological analysis of 49 vessels of Kulay ceramics (Novosibirsk variant) of the Kamenny Mys burial ground.

Results. It was determined that natural clays of medium plasticity, possibly pretreated, were used as the initial plastic raw material. The dominant recipe for the clay paste is clay + broken stone (68 %). The construction was carried out according to the tank-bottom program with the help of flaps. The hollow body was constructed using patchwork molding. Mainly mechanical smoothing processed the surfaces of the vessels. The firing of dishes could be carried out in fireplaces or hearths.

Conclusion. Ceramic technology reflects the initial mixing of different pottery skills. Stability is retained by the substrate skills of the selection of the initial plastic raw material, the design of the beginning and the hollow body. Mixing is manifested at the level of adaptive skills – methods of composing molding materials and machining surfaces. Such a situation may be a consequence of the interaction of groups of the Kulay population with the carriers of the Bolsherechenskaya culture and the beginning of their mixing, which led to the fusion of technological pottery skills.

Keywords

archaeology, Novosibirsk Ob region, early Iron Age, Kulay culture, ceramics, technical and technological analysis

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-49-543001)

For citation

Selin D. V. Ceramic Production of the Kulai Culture in the Novosibirsk Ob Region: Based on Materials from the Kamenny Mys Burial Ground. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 86–96. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-7-86-96

Введение

Кулайская культурно-историческая общность (КИО) – одно из крупнейших образований на территории Западной Сибири в раннем железном веке. В ареал входят: Томско-Нарымское, Сургутское, Новосибирское Приобье, Барабинская лесостепь, Алтай, Кузнецкая котловина [Чиндина, 1984; Чемякин, 2008; Елагин, Молодин, 1991; Троицкая, 1979].

На территории Новосибирской области первый кулайский памятник был обнаружен в ходе строительства железнодорожного моста в районе г. Новосибирска. В 1952–1954 гг. М. П. Грязновым был раскопан ряд памятников на территории будущего Обского водохранилища (Усть-Ирмень, Ирмень-1, Ирмень-2). Значительный по объему и качеству кулайский материал получен в ходе планомерных исследований территории Новосибирского Приобья Новосибирской археологической экспедицией под руководством Т. Н. Троицкой [Троицкая, 1979; 1989]. Были изучены памятники Каменный Мыс, Дубровинский Борок-2, Дубровинский Борок-3, Дубровинский Борок-4, Дубровинский Борок-6, Ордынское-1, Ордынское-9. По результатам анализа обнаруженных археологических материалов Т. Н. Троицкой выделен новосибирский вариант кулайской культуры, сложившийся на территории Новосибирского Приобья в результате взаимодействия пришлых кулайских и местных большереченских (бийский этап) групп населения. Зафиксировано две волны расселения носителей кулайской культуры на территории Новосибирского Приобья и выделено три этапа в развитии этого варианта: для 1-го этапа (IV–II вв. до н. э.) характерно наличие изделий в скифо-сибирском зверином стиле и лесного плоского ажурного литья, сочетание большереченских (бийский этап) и кулайских сосудов в одних комплексах; на 2-м этапе (I в. до н. э. – середина I в. н. э.) происходит слияние традиций большереченской (бийский этап) и кулайской культур; 3-й этап (конец I – III в. н. э.) – отсутствуют предметы плоского ажурного литья, для погребального обряда характерен переход к трупосожжению [Троицкая, 1979].

Могильник Каменный Мыс расположен в Колыванском районе Новосибирской области в 0,5 км к юго-востоку от д. Черный Мыс в одноименном урочище на левом берегу р. Уень. Памятник был открыт в 1961 г. В. А. Дремовым и исследовался под руководством Т. Н. Троицкой в 1961, 1968–1974 гг. [Троицкая, 1979. С. 8; Троицкая и др., 1980. С. 52; Троицкая, 1989. С. 43]. Были исследованы восемь курганов новосибирского варианта кулайской культуры, под насыпью которых обнаружено 72 могилы. Характерными элементами погребальной практики являются: сооружение новых погребальных камер с последующим достраиванием курганной насыпи; наличие в могилах деревянных перекрытий; преобладание

ориентирования захороненных на северо-северо-восток, северо-восток и север; наличие культовых захоронений животных; преимущественно захоронены взрослые индивиды [Троицкая, 1979. С. 9]. Обнаруженный сопроводительный инвентарь разнообразен и включает предметы вооружения, конского набора, а также украшения, бытовые орудия и керамику. Время существования могильника Т. Н. Троицкая обозначает в пределах конца III – II тыс. до н. э. [Там же. С. 19].

И. А. Дураков, анализируя литейные дефекты бронзовых кельтов из захоронений, установил, что изделия из курганов 3, 4, 12 были изготовлены в одной литейной форме в короткий срок [2010. С. 179]. На основе стратиграфических данных исследователем определена внутренняя хронология памятника – самым ранним является курган 10; насыпи 3, 4, 12, 13, 23 синхронны друг другу; курганы 14 и, возможно, 5 были построены позже [Там же. С. 179]. А. П. Бородовский, сравнивая изделия из памятников Быстровка-2 и Каменный Мыс, отметил актуальность вопроса удревнения погребальных комплексов Каменного Мыса [2010. С. 141]. Этот тезис в целом не противоречит точке зрения Т. Н. Троицкой, которая не исключала возможность проникновения кулайского населения в Новосибирское Приобье немного раньше времени появления могильника Каменный Мыс, т. е. ранее III–II вв. до н. э. [Троицкая, 2007].

Технология изготовления керамической посуды

На могильнике обнаружено 105 керамических сосудов, расположенных в погребальных камерах или в насыпях курганов. Т. Н. Троицкой дана краткая характеристика техники изготовления сосудов: глина слабо отощена, имеется примесь песка, обе поверхности заглаживались травой или щепой. Обжиг костровой, неравномерный [Троицкая, 1979. С. 16]. Помимо этого Т. Н. Троицой предложена группировка целых форм, в основу которой положено соотношение высотных и широтных показателей сосудов, выполнен анализ частоты встречаемости орнамента и способа его нанесения [Там же].

Технико-технологический анализ базируется на методике, разработанной А. А. Бобринским [1978; 1999]. Определения проводились при помощи бинокулярной микроскопии поверхностей и изломов изделий (микроскоп Leica M51) с последующим сравнением выделенных признаков с экспериментальной коллекцией формовочных масс и способов конструирования начинов и полого тела.

Всего изучено 49 сосудов. Для всех изделий проведены определения типа исходного сырья и состава формовочной массы, способов обработки поверхностей и цветности изломов. При сохранении достаточного объема технико-технологических следов определялся тип начина и способы конструирования полого тела.

Исходное сырье. Как основное пластичное сырье использовались ожелезненные природные глины средней пластичности (рис. 1, 2). Преимущественно использовались залежи с естественной примесью мелкого окатанного песка (28 %) и бурого железняка (14 %). Бурый железняк по размерности фракций подразделяется на мелкий и средний (≤ 1,9 мм; 8 %), только крупный (≥ 2 мм; 4 %), разноразмерный (2 %). В 12 % образцов зафиксирован только окатанный бурый железняк; в 2 % – только угловатый. Подобный характер бурого железняка может косвенно указывать на наличие традиции предварительной обработки исходного пластичного сырья, когда фракции дробятся на более мелкие и приобретают угловатую форму. В одном экземпляре обнаружено естественное включение фрагмента раковины пресноводного моллюска, что может свидетельствовать об отборе исходного пластичного сырья вблизи водоема. Таким образом, можно предположить, что гончары использовали выходы среднепластичных глин с мелким окатанным песком и окатанным бурым железняком. Часть исходного сырья могла отбираться неподалеку от водоемов и предварительно обрабатываться.

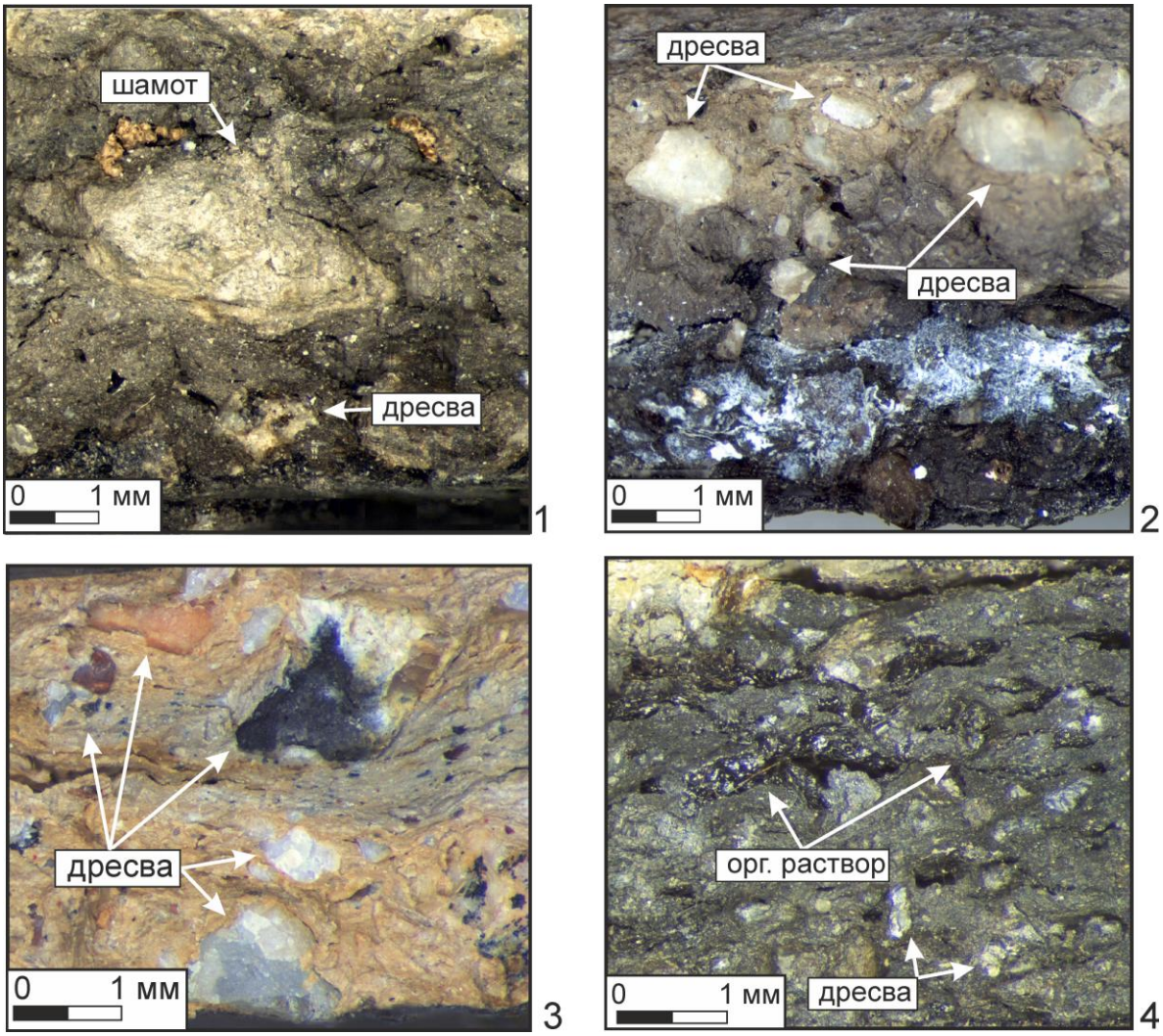

Рис. 1 (фото). Микрофотографии примесей в керамике кулайской культуры могильника Каменный Мыс: *1* – шамот и дресва; *2*, *3* – некалиброванная дресва; *4* – дресва и органический раствор

Fig. 1 (photo). Microphoto of impurities in the ceramics of the Kulay culture of the Kamenny Mys burial ground: *1* – chamotte and broken stone; *2*, *3* – uncalibrated broken stone; *4* – broken stone and organic solution

Формовочная масса. Минеральные искусственные примеси обнаружены в 98 % образцов и представлены дресвой (84 % от общего числа изделий; рис. 1; 2, *1*, *2*) и шамотом (30 %; рис. 1, *1*, *2*; 2, *1*, *2*). Дресва изготовлена из обожженного камня (возможно, кварцита). В 68 % изделий она выступает как самостоятельная примесь, в 18 % – в связке с шамотом. В 24 % случаев дресва калибрована по верхней границе (≤ 1,9 мм; 8 %), в 62 % калибровка не проводилась. Концентрация примеси зафиксирована в следующих пропорциях: 1 : 1 (2 %), 1 : 2 (2 %), 1 : 2–3 (2 %), 1 : 3 (22 %), 1 : 4 (32 %), 1 : 5 (14 %), 1 : 5–6 (2 %), 1 : 6 (6 %), 1 : 7–8 (2 %). Таким образом, выделяется один основной навык введения дресвы в формовочную массу в концентрации 1 : 3–5 (70 %), что свидетельствует об устойчивости представлений древних гончаров об этой добавке.

Шамот выявлен в 30 % исследованных сосудов, в 10 % образцов выступая единственной искусственной минеральной примесью, в 20 % – вместе с другими примесями. Фракции чаще всего не калибровались (26 %). В одном сосуде выявлен случай калибровки шамота и дресвы

совместно по верхней границе (≤ 2 мм). Концентрация зафиксирована в следующих пропорциях: 1 : 4 (4 %), 1 : 5 (8 %), 1 : 5–6 (6 %), 1 : 6 (4 %), 1 : 6–7 (2 %), 1 : 7–8 (2 %), 1 : 9 (2 %). В целом традиция концентрации примеси шамота в исходном сырье совпадает с навыками введения дресвы и составляет 1 : 4–5 (18 %). В 10 % случаев в шамоте обнаружены включения мелкой дресвы, возможно, из кварцита (рис. 2, *1*, *2*). В одном сосуде установлено наличие шамота, изготовленного из слабоожелезненного глинистого сырья.

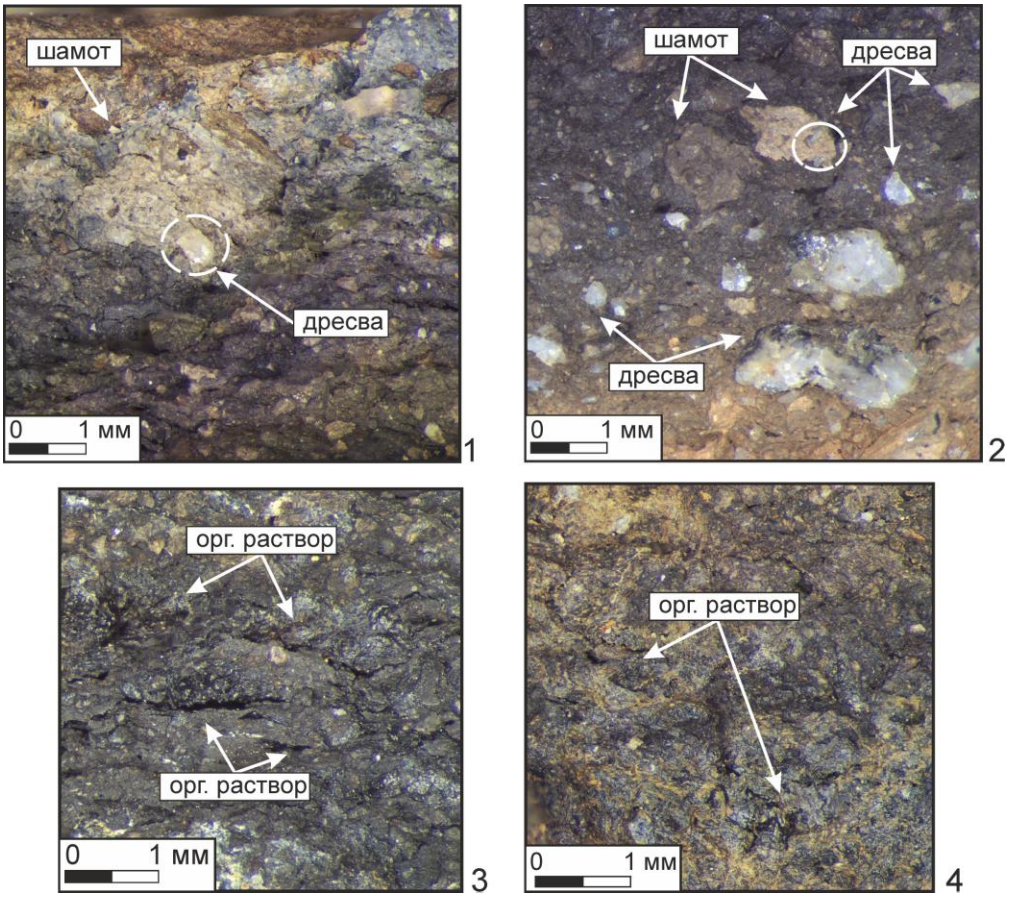

Рис. 2 (фото). Микрофотографии примесей в керамике кулайской культуры могильника Каменный Мыс: *1* – дресва в шамоте; *2* – дресва, шамот и дресва в шамоте; *3*, *4* – органический раствор

Fig. 2 (photo). Microphoto of impurities in the ceramics of the Kulay culture of the Kamenny Mys burial ground. *1* – broken stone in chamotte; *2* – broken stone, chamotte and broken stone in chamotte; *3*, *4* – organic solution

Искусственная примесь органического раствора обнаружена в четырех сосудах (8 %; рис. 2, *3*, *4*). Он зафиксирован в виде аморфных разноразмерных пустот, покрытых изнутри черным глянцевым налетом. В трех случаях он обнаружен вместе с минеральными примесями и в одном – как единственная добавка.

Таким образом, выявлено шесть рецептов формовочной массы (рис. 3):

1) глина + дресва – 68 %;
2) глина + дресва + шамот – 14 %;
3) глина + шамот – 10 %;
4) глина + шамот + органический раствор – 2 %;
5) глина + дресва + шамот + органический раствор – 4 %;
6) глина + органический раствор – 2 %.

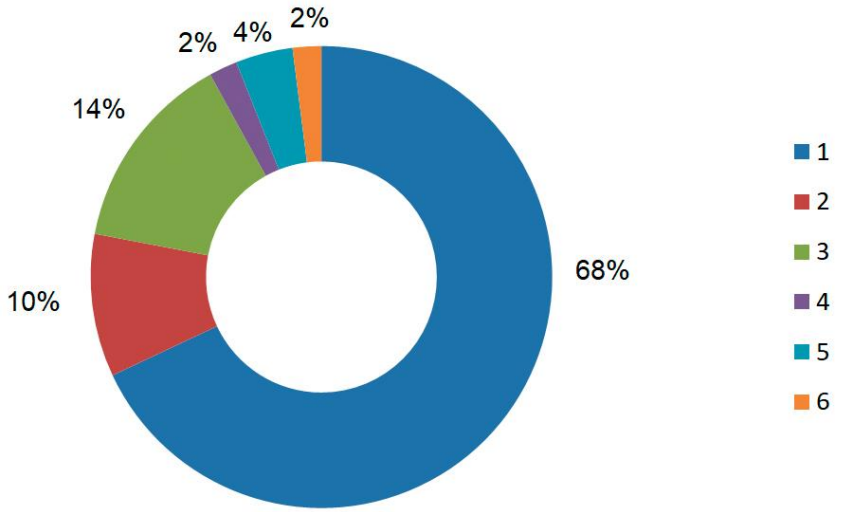

Рис. 3. Соотношение рецептов формовочных масс керамики новосибирского варианта кулайской культуры на могильнике Каменный Мыс:
1 – глина + дресва; *2* – глина + шамот; *3* – глина + дресва + шамот; *4* – глина + шамот + органический раствор; *5* – глина + дресва + шамот + органический раствор; *6* – глина +органический раствор

Fig. 3. The ratio of clay paste recipes at the Kamenny Mys burial ground:
1 – clay + broken stone; *2* – clay + chamotte; *3* – clay + broken stone + chamotte; *4* – clay + chamotte + organic solution; *5* – clay + broken stone + chamotte + organic solution; *6* – clay + organic solution

Конструирование начина и полого тела. Надежно определить тип начина удалось у 8 % изделий. Они изготовлены по донно-ёмкостной программе при помощи лоскутного налепа. Полое тело изготавливалось при помощи лоскутов (установлено для 84 % обследованных сосудов). Поддон на одном из сосудов конструировался при помощи лоскутного налепа. Нижняя часть поддона подрезана твердым орудием по влажной глине. Как прокладка между рабочей поверхностью и начином могла использоваться трава, отпечатки которой обнаружены на дне одного из изделий.

Придание сосудам формы. На двух сосудах на внешней стороне зафиксированы следы выбывания. В одном случае использовалось гладкая колотушка, во втором – рельефная.

Обработка поверхности. Внешняя поверхность обрабатывалась при помощи механического заглаживания (76 %) или лощения (8 %). В 14 % случаев эти приемы использовались совместно. Заглаживание выполнялось при помощи пальцев рук (50 %), различных инструментов: твердого орудия (16 %); гребенчатого орудия (10 %); мягкого материала (14 %); а также травы (6 %). На четырех сосудах выявлены случаи комбинирования способов обработки внешней поверхности: гребенчатое орудие + мягкий материал (1 изд.); трава + мягкий материал (2 изд.); пальцы рук + мягкий материал (1 изд.).

Внутренняя поверхность также обработана при помощи механического заглаживания (96 %) и лощения (4 %). Заглаживание выполнено при помощи пальцев рук (62 %); мягкого материала (20 %); гребенчатого орудия (12 %); твердого орудия (8 %); травы (2 %). Установлено две комбинации разных инструментов для заглаживания: твердое орудие + мягкий материал (2 изд.); гребенчатое орудие + мягкий материал (2 изд.).

Придание сосудам прочности и водонепроницаемости. Цветность изломов изделий зафиксирована в разных вариациях: одноцветный темно-серый (32 %); двухцветный (30 %); светло-коричневые края + серый центр (16 %); темно-серые края + светло-коричневый центр (6 %); одноцветный коричневый (6 %); трехцветный (4 %); одноцветный светло-серый (2 %); светло-серые края + коричневый центр (2 %).

Обсуждение результатов

Навыки отбора исходного сырья у гончаров, изготавливавших исследованную посуду, были устойчивы. Отбирались ожелезненные среднепластичные природные глины. Возможно, исходное сырье предварительно обрабатывалось. Самым распространенным рецептом формовочной массы является глина + дресва, к которой относится ⅔ исследованных образцов. Вторым выявленным несмешанным рецептом является глина + шамот (10 %). На смешанный рецепт глина + дресва + шамот приходится 14 % изделий. Остальные выявленные рецепты соотносятся с единичными сосудами. Навыки конструирования начина и полого тела также устойчивы. Внешняя и внутренняя поверхности обрабатывалась преимущественно механическим заглаживанием при помощи разнообразных приспособлений. Обжиг мог проводиться в кострищах или очагах.

Субстратные гончарные навыки демонстрируют устойчивость. Отбирался схожий тип исходного пластичного сырья, по единой программе конструировались начин и полое тело.

Приспособительные гончарные навыки более вариативны. При общем доминировании несмешанных рецептов составления формовочной массы – глина + дресва (68 %) и глина + шамот (10 %), выделяются смешанные рецепты – глина + дресва + шамот (14 %); глина + дресва + шамот + органический раствор (4 %). Их происхождение связано, возможно, со смешением разных традиций составления однокомпонентных формовочных масс. Включения дресвы выявлены в шамоте (10 % обр.), что свидетельствует об устойчивости традиции введения этой примеси среди гончаров. Зафиксировано единичное изделие только с примесью органического раствора, возможно, являющееся заимствованным. Обработка поверхностей проводилась преимущественно при помощи механического заглаживания, выполненного разнообразными инструментами. Лощение зафиксировано как самостоятельный прием и совместно с заглаживанием. Как отмечают исследователи, подобная ситуация характерна для начальных этапов смешения гончарной технологии [Бобринский, 1978. С. 222; Цетлин, 2017. С. 152].

Керамическое производство носителей кулайской культурно-исторической общности изучено неравномерно. Так, для керамики новосибирского варианта кулайской культуры, обнаруженной в Барнаульском Приобье (городище Аллак I) характерно использование слабоожелезненных низкопластичных глин. Залежи исходного сырья могли располагаться вблизи водоемов, на что указывает присутствие в изломах отпечатков чешуи рыбы. Зафиксировано использование смесей двух глин, доминирующей искусственной примесью является шамот [Казаков, Степанова, 2020].

В Томско-Нарымском Приобье для производства посуды томского варианта кулайской культуры использовались две разные глины – слабоожелезненные и неожелезненные. Посуда из среднеожелезненного исходного сырья единична. Исключением является поселение Шеломок III, где доля посуды, изготовленной из такого сырья, достигает 70 %. Обнаружены случаи смешивания разных глин [Степанова и др., 2021. С. 57]. Преобладающим рецептом формовочной массы является глина + дресва + органика. Изредка фиксируются рецепты с шамотом как самостоятельной минеральной примесью и смешанный рецепт глина + дресва + шамот + органика [Там же].

В керамике сургутского варианта кулайской культуры зафиксировано использование ожелезненных среднезапесоченных глин. Основной минеральной примесью является дресва. Шамот выявлен и как самостоятельная примесь, и в составе многокомпонентных рецептов. Начины конструировались по донно-ёмкостной программе, полое тело изготавливалось при помощи лент с боковым наложением. Механическая обработка поверхности проводилась преимущественно при помощи заглаживания различными приспособлениями. Обжиг выполнялся в кострищах или очагах [Селин, Чемякин, 2021; Selin et al., 2021].

Для могильника Каменный Мыс характерно наличие сосудов, близких по форме к большереченским, но орнаментированных типичным кулайским орнаментом [Троицкая, 1996. С. 76;

Троицкая, 2007]. В посуде большереченской культуры исследователями зафиксированы добавки шамота и дресвы, поверхность сосудов хорошо заглаживалась [Троицкая, Бородовский, 1994. С. 39; Бородовский, 2009. С. 58].

Заключение

Таким образом, проведенный анализ керамики новосибирского варианта кулайской культуры могильника Каменный Мыс позволяет выделить следующие технико-технологические особенности:

1) как исходное пластичное сырье использовались ожелезненные природные глины средней пластичности, возможно, предварительно обработанные;
2) доминирующим рецептом формовочной массы является глина + дресва (68 %);
3) конструирование начина проводилось по ёмкостно-донной программе при помощи лоскутов;
4) конструирование полого тела выполнено при помощи лоскутного налепа;
5) поверхности изделий обрабатывались преимущественно при помощи механического заглаживания;
6) обжиг посуды мог проводиться в кострищах или очагах.

Выделенные технологические особенности керамики кулайской культуры могильника Каменный Мыс отражает начальный этап смешения разных гончарных навыков. Устойчивость сохраняют субстратные навыки отбора исходного пластичного сырья, конструирования начина и полого тела. Смешение проявляется на уровне приспособительных навыков – способах составления формовочных масс и механической обработки поверхностей. Подобная ситуация может являться следствием взаимодействия групп кулайского населения с носителями иной гончарной традиции и началом их смешения, что приводило к слиянию технологических гончарных навыков. Наличие небольшой доли посуды (14–16 %) со смешанными приспособительными гончарными навыками и присутствие в коллекции изделий смешанной формы и орнаментации свидетельствует о начальном этапе инфильтрации носителей различных культурных традиций [Цетлин, 2012. С. 246]. Взаимодействие происходило, по всей видимости, между гончарами кулайской и большереченской культур, что проявляется в особенностях морфологии и орнаментации посуды [Троицкая, 1979]. Имеющиеся фрагментарные данные по технологии изготовления керамики большереченской культуры не позволяют к настоящему моменту провести корректное сопоставление этих культур между собой.

Наибольшее сходство в технико-технологических особенностях посуды Каменного Мыса прослеживается с изделиями кулайской культуры из Томско-Нарымского Приобья. Для обоих регионов характерно использование ожелезненных природных глин и дресвы как доминирующей искусственной минеральной примеси. К отличиям можно отнести использование в Томско-Нарымском Приобье неожелезненных выходов сырья и органической примеси [Степанова и др., 2021], что не типично для кулайской посуды Каменного Мыса.

Значительно отличается анализируемая керамика от изделий сургутского варианта кулайской культуры. Проявляется это в первую очередь в навыках конструирования начина и полого тела (для памятников Барсовой Горы характерно использование ленточного налепа) [Селин, Чемякин, 2021; Selin et al., 2021].

Керамика новосибирского варианта кулайской культуры из Барнаульского Приобья также демонстрирует отличия в технико-технологических навыках гончаров. Для нее характерно доминирование шамота как минеральной примеси в формовочную массу [Казаков, Степанова, 2021. С. 117]

Продолжение комплексных технико-технологических исследований керамики эпохи раннего железа позволит на новом методическом уровне выявить истоки и особенности генезиса кулайской культурно-исторической общности в разных регионах, определить маршруты

миграции кулайского населения, установить особенности взаимодействия с местными культурами, обозначить направления торговых связей и культурных контактов.

Список литературы

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Бородовский А. П. Датировка погребений курганной группы Быстровка-2 // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. К юбилею профессора Т. Н. Троицкой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. С. 132–142.

Бородовский А. П. Традиционные и естественнонаучные методы датирования погребальных комплексов (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа). Новосибирск, 2009. 91 с.

Дураков И. А. К вопросу о внутренней хронологии могильника Каменный Мыс // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. К юбилею профессора Т. Н. Троицкой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. С. 174–180.

Елагин В. С., Молодин В. И. Бараба в начале I тысячелетия н. э. Новосибирск: Наука, 1991. 126 с.

Казаков А. А., Степанова Н. Ф. Керамический комплекс раннего железного века городища Аллак 1 // Изв. АлтГУ. 2020. № 5 (115). С. 113–119. DOI 10.14258/izvasu(2020)5-17

Селин Д. В., Чемякин Ю. П. Особенности керамики кулайской культуры (сургутский вариант) городища Барсов городок I/32 (Сургутское Приобье) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 5: Археология и этнография. С. 116–128. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-5-116-128

Степанова Н. Ф., Плетнёва Л. М., Рыбаков Д. Ю. Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского Приобья // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2021. № 69. С. 55–61. DOI 10.17223/19988613/69/7

Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 128 с.

Троицкая Т. Н. Каменный Мыс – группа памятников железного века // Памятники Новосибирской области. Новосибирск, 1989. С. 41–47.

Троицкая Т. Н. Некоторые выводы из изучения саргатской и большереченской керамики // Керамика как исторический источник: Тез. докл. и материалы конференции. Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1996. С. 74–77.

Троицкая Т. Н. Некоторые вопросы развития кулайской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 7. С. 85–86.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980. 184 с.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. 379 с.

Цетлин Ю. Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2017. 346 с.

Чемякин Ю. П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Изд-во «Омский дом печати», 2008. 224 с.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху раннего железа. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 255 с.

Selin D. V., Chemyakin Y. P., Mylnikova L. N. Pottery from the Barsov Gorodok III/6 Early Iron Age Fortifi ed Settlement in the Surgut Stretch of the Ob: A Technological Analysis. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2021, no. 49/2, p. 72–83. DOI 10.17746/1563-0110.2021.49.2.072-083

References

Bobrinsky A. A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study.]. Moscow, Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.)

Bobrinsky A. A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob"ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery technology as an object of historical and cultural study]. In: Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Actual problems of studying ancient pottery]. Samara, SamSPU Publ., 1999, p. 5–109. (in Russ.)

Borodovsky A. P. Datirovka pogrebenii kurgannoi gruppy Bystrovka-2 [Dating of burials of the Bystrovka-2 mound group]. In: Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoi Sibiri: proshloe, nastoyashchee, budushchee. K yubileyu professora T. N. Troitskoi [Archaeological research in Western Siberia: past, present, future. To the anniversary of Professor T. N. Troitskaya]. Novosibirsk, NSPU Press, 2010, p. 132–142. (in Russ.)

Borodovsky A. P. Traditsionnye i estestvennonauchnye metody datirovaniya pogrebal'nykh kompleksov (po materialam Bystrovskogo nekropolya epokhi rannego zheleza) [Traditional and natural-scientific methods of dating the burial complexes (based on materials from the Bystrovsky necropolis of the Early Iron Age)]. Novosibirsk, NSU Press, 2009, 91 p. (in Russ.)

Chemyakin Yu. P. Barsova Gora: Ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost' [Barsova Gora: Essays on the archeology of the Surgut Ob region. Antiquity]. Surgut, Omsk, Omskii dom pechati Publ., 2008, 224 p. (in Russ.)

Chindina L. A. Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza: Kulaiskaya kul'tura [Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age: Kulai culture]. Tomsk, Tomsk State Uni. Press, 1984, 256 p. (in Russ.)

Durakov I. A. K voprosu o vnutrennei khronologii mogil'nika Kamennyi Mys [On the question of the internal chronology of the Kamenny Mys burial ground]. In: Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoi Sibiri: proshloe, nastoyashchee, budushchee. K yubileyu professora T. N. Troitskoi [Archaeological research in Western Siberia: past, present, future. To the anniversary of Professor T. N. Troitskaya]. Novosibirsk, NSPU Press, 2010, p. 174–180. (in Russ.)

Elagin V. P., Molodin V. I. Baraba v nachale I tysyacheletiya n. e. [Baraba at the beginning of the 1st millennium AD]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 126 p. (in Russ.)

Kazakov A. A., Stepanova N. F. Keramicheskii kompleks rannego zheleznogo veka gorodishcha Allak 1 [Ceramic complex of the early Iron Age of the Allak 1 settlement]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of the Altai State University*], 2020, no. 5 (115), p. 113–119. (in Russ.) DOI 10.14258/izvasu(2020)5-17

Selin D. V., Chemyakin Yu. P. Features of Ceramics of the Kulai Culture (Surgut Variant) of the Barsov gorodok I/32 Site (Surgut-Ob Region). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 116–128 (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-5-116-128

Selin D. V., Chemyakin Y. P., Mylnikova L. N. Pottery from the Barsov Gorodok III/6 Early Iron Age Fortifi ed Settlement in the Surgut Stretch of the Ob: A Technological Analysis. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2021, no. 49/2, p. 72–83. DOI 10.17746/1563-0110.2021.49.2.072-083

Stepanova N. F., Pletneva L. M., Rybakov D. Y. Features of initial raw materials and pottery paste of ancient ceramics from the Tomsk Ob region. *Bulletin of Tomsk State University*, 2021, no. 69, p. 55–61. (in Russ.) DOI 10.17223/19988613/69/7

Troitskaya T. N. Kulaiskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e [Kulai culture in the Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk, Nauka, 1979, 128 p. (in Russ.)

Troitskaya T. N. Kamennyi Mys – gruppa pamyatnikov zheleznogo veka [Kamenny Mys – a group of monuments of the Iron Age]. In: Pamyatniki Novosibirskoi oblasti [Monuments of the Novosibirsk region]. Novosibirsk, 1989, p. 41–47. (in Russ.)

Troitskaya T. N. Nekotorye voprosy razvitiya kulaiskoi kul'tury [Some questions of the development of the Kulai culture]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [*Bulletin of archeology, anthropology and ethnography*], 2007, no. 7, p. 85–86. (in Russ.)

Troitskaya T. N. Nekotorye vyvody iz izucheniya sargatskoi i bol'sherechenskoi keramiki [Some conclusions from the study of the Sargat and Bolsherechensk ceramics]. In: Keramika kak istoricheskii istochnik. tezisy dokladov i materialy konferentsii [Ceramics as a historical source. Theses of reports and materials of the conference]. Tobolsk, TSPI Pess, 1996, p. 74–77. (in Russ.)

Troitskaya T. N., Borodovsky A. P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya [Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob region]. Novosibirsk, Nauka, 1994, 184 p. (in Russ.)

Troitskaya T. N., Molodin V. I., Sobolev V. I. Arkheologicheskaya karta Novosibirskoi oblasti [Archaeological map of the Novosibirsk region]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 184 p. (in Russ.)

Tsetlin Yu. B. Drevnyaya keramika: Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient ceramics: Theory and methods of historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2012, 379 p. (in Russ.)

Tsetlin Yu. B. Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ceramics. Concepts and terms of the historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2017, 346 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
30.05.2021

Сведения об авторах

Селин Дмитрий Вадимович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)

selin@epage.ru
ORCID 0000-0002-6939-2917

Information about the Author

Dmitrii V. Selin, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

selin@epage.ru
ORCID 0000-0002-6939-2917